

Игра в карты — это проверка на зоркость, память и логическое мышление. Гу Чу был совершенно расслаблен. Проиграв пару раз в начале, он быстро раскусил манеру игры остальных троих, и дальше началось полное доминирование. Даже Линь Жован был ошарашен: раз за разом он терпел поражение от рук Гу Чу.

Окружающие были шокированы, словно впервые видели Гу Чу. Один из них даже пробормотал себе под нос:

— Это точно Гу Чу?

— Прошу прощения, — Гу Чу отложил карты и улыбнулся Линь Жовану.

Линь Жован хмыкнул, сохранив на лице свою полуулыбку:

— А ты действительно заставил меня взглянуть на тебя по-новому.

Ци Хао, до этого пребывавший в полном недоумении, вдруг вскочил и бросился к Гу Чу:

— Несправедливо! Мы уже без штанов остались, а ты в сплошном выигрыше! Быстро говори, как ты это сделал! Иначе не думай, что уйдешь отсюда просто так!

Ци Хао вцепился горячими руками в плечи Гу Чу. Тот невозмутимо высвободился и развел руками:

— Это просто удача.

— Не заговаривай мне зубы! Я позвал тебя сегодня, чтобы ты мне помог, а ты мало того что не помог, так еще и подставил меня по-крупному. Нет, так не пойдет, ты должен искупить свою вину! — не унимался Ци Хао.

Глаза Линь Жована блеснули, губы растянулись в еще более широкой улыбке, и он как бы невзначай обронил:

— Говорят, у Гу Чу неплохой голос.

Правда, было неясно, кто именно это говорил.

Ци Хао просиял, снова схватил Гу Чу за запястье, указал на сцену вдаль и расхохотался:

— Отлично! Гу Чу, споешь песню — и я тебя отпущу!

Кто-то из молодежи за спиной Линь Жована подал голос:

— Гу Чу, если не согласишься, мы тебя отсюда просто так не выпустим!

Послышались выкрики и улюлюканье, хотя кто знает, что было у каждого на уме.

Разве не всем было известно, что Гу Чу — помешанный сталкер великого актера Янь Цина, посмешище музыкальной индустрии? Когда он только стал набирать популярность, компания хотела продвинуть его как певца, но первое же коммерческое выступление Гу Чу провалил. Компания потеряла кучу денег, а сам он стал всеобщим посмешищем.

В сети до сих пор было полно информации об этом, и Гу Чу прекрасно об этом знал, как и все присутствующие. Почувствовав тонкую атмосферу насмешки, Гу Чу тихо рассмеялся и кивнул Линь Жовану:

— Хорошо.

Сказав это, он развернулся и спокойно направился к сцене. В темном баре цветные лучи прожекторов метались из стороны в сторону, выхватывая лицо Гу Чу и придавая ему странное, завораживающее очарование.

Люди в зале наблюдали, как стройный юноша поднялся на сцену, перекинулся парой слов с музыкантами, затем спокойно встал в центре, обхватил микрофон и медленно закрыл глаза.

Все вокруг словно замедлилось, каждое движение юноши казалось кадрами из замедленной съемки. Густой красный свет заливал его лицо, создавая дымчатый ореол. Две верхние пуговицы на рубашке были расстегнуты, открывая гладкую кожу, которая в лучах прожекторов казалась мягкой и нежной.

Линь Жован прищурился, его пальцы, лежавшие на коленях, судорожно дернулись — верный признак того, что он начал возбуждаться.

Раздался медленный бой барабанов, к которому присоединились тягучие звуки гитары. Юноша начал покачиваться в такт музыке, и со сцены поплыл низкий голос:

— ...

Из серых гор вдалеке ползет ее тень.

Тихо скрываясь в зарослях ядовитых ветвей.

...

Голос юноши был низким и медленным, словно шершавый ветер пустыни, скользящий по древним скалам.

— ...

Когда закат согреет камни, змея расправит свое тело.

Придет дикий кот и унесет твои сухие кости.

Поднимись со мной в вечность, пересекая безмолвную пустыню.

Звезды станут твоими глазами, а ветер — моими руками.

Простая мелодия повторялась вновь и вновь. Юноша стоял под кроваво-красным светом с закрытыми глазами. Шумный бар затих, как только он запел. В его низком голосе не было никакой техники, но эти простые слова действовали как заклинание, вызывая тяжесть в груди. По мере его пения отчаяние расплзалось по сердцам слушателей, и лишь когда юноша сошел со сцены, люди начали приходить в себя, словно выныривая из удушливого болота.

В одной из лож мужчина медленно вращал бокал, его глаза, полные противоречивых чувств, неотрывно следили за юношей. В глубине его взгляда бурлило нечто, похожее на неудержимый интерес. Он повернулся к своему спутнику:

— Кто это?

Тот застыл, не в силах сразу прийти в себя, и машинально ответил:

— Гу Чу... Это Гу Чу.

Гу Чу пробирался сквозь толпу, стараясь не замечать направленных на него взглядов, и направился в уборную. На душе было беспокойно: он вышел петь только потому, что злоба в глазах присутствующих была слишком очевидной, но во время исполнения песни невольно захватила и его самого.

— Гу Чу... — из-за угла коридора донесся хриплый голос.

Здесь было темно, тусклый свет падал под углом, разрезая коридор надвое: одна сторона тонула в мертвой тишине, другая — в дергающихся отсветах ярких огней. На границе света и тени стоял человек. Когда взгляд Гу Чу поднялся выше, он увидел высокую фигуру.

Все тот же наряд с заклепками, густой макияж в стиле смоки-айс выглядел в темноте пугающе, но глаза, горевшие словно пламя, освещали лицо лучше любого фонаря.

— Та песня... — дыхание Сюй Ина было тяжелым, он слегка задыхался. — Как она называется?

Гу Чу остановился, опустил глаза и лишь спустя долгое время ответил под участившееся дыхание Сюй Ина:

— Далекий одинокий путь.

Голос его был тихим, словно осторожный шепот.

Из темноты внезапно протянулась рука и крепко сжала запястье Гу Чу. Тот инстинктивно дернулся, но Сюй Ин оказался быстрее. Его фанатично горящее лицо придвинулось вплотную, словно он был пламенем, готовым сжечь Гу Чу дотла.

— Идем со мной! — Сюй Ин потащил его за собой в боковой коридор. Гу Чу не ожидал такого напора и не успел сопротивляться, но, не почувствовав явной угрозы, решил последовать за ним, подавляя раздражение.

Сюй Ин, казалось, отлично знал дорогу: после нескольких поворотов они неожиданно оказались в Тяньюй.

Молодой человек в панковском прикиде распахнул дверь и рявкнул на тех, кто сидел перед мониторами или возился с аппаратурой:

— Все вон!

Казалось, они привыкли к такому поведению Сюй Ина: без тени гнева или недовольства, они молча побросали дела и в мгновение ока исчезли.

Как только они вышли, Сюй Ин с грохотом захлопнул дверь, запер ее и бросился к стопкам папок, лихорадочно перебирая бумаги.

Гу Чу засунул руки в карманы, мельком взглянул на взвинченного Сюй Ина, а затем перевел взгляд на огромный стеклянный экран.

Это была студия звукозаписи Тяньюй.

В Тяньюй было немало звезд, но в основном актеры. Помимо кинодивы Жуань Уцзин, там были и другие первоклассные звезды с хорошими навыками и популярностью, а ниже шли многочисленные артисты второго и третьего эшелонов. Гу Чу, прославившийся благодаря молодежным сериалам, едва дотягивал до хвоста этого списка.

Помимо актеров, в Тяньюй было много певцов, но компания делала ставку на кино, поэтому ярких талантов было немного.

Сюй Ин был исключением.

Он не заканчивал музыкальную академию. До контракта с Тяньюй он пел в барах, не имея особой славы, обладая лишь задатками. Еще со школы он постоянно дрался из-за своей внешности и женственного имени, а после поступления в университет ситуация лишь усугубилась.

Позже что-то случилось, он бросил учебу и с головой ушел в музыку. Чтобы выжить, подрабатывал барменом, поваром, уборщиком, пока не попал в Тяньюй. С тех пор, избавившись от нужды, Сюй Ин начал раскрывать свой талант и постепенно завоевал популярность.

Видимо, это был тот случай, когда количество переходит в качество: в прошлом году его альбом Поющие кости стал настоящей темной лошадкой, быстро заняв третье место по продажам в стране.

— Нашел! — возбужденный голос прервал воспоминания Гу Чу.

Сюй Ин сунул стопку бумаг в руки Гу Чу. Его глаза горели, как пламя. В этот момент он напоминал ребенка, нашедшего любимую игрушку и жаждущего поделиться своей радостью.

— Помоги мне спеть эту песню! — увидев, что Гу Чу безмолвствует, Сюй Ин нетерпеливо перевернул несколько страниц. — Ты поешь вступление... нет, нет! Ты поешь припев...

Глядя на молодого человека, который с трудом сдерживал нетерпение и порывисто пытался что-то объяснить, Гу Чу вдруг захотелось рассмеяться, что он и сделал.

— Что смешного? — Сюй Ин нахмурился, услышав смешок.

Гу Чу убрал руку и равнодушно улыбнулся:

— С чего ты взял, что я соглашусь? Я даже твоего имени не знаю.

— Сюй Ин, — молодой человек снова стал спокойным, словно это не он минуту назад был в экстазе. — Меня зовут Сюй Ин. А насчет того, согласишься ты или нет, я не был уверен.

Гу Чу взглянул на ноты в руках собеседника: почерк был небрежным и поспешным, полно зачеркиваний. В тот момент, когда Сюй Ин листал страницы, он успел заметить его имя в правом нижнем углу.

— А если я откажусь? — Гу Чу сделал шаг назад, увеличивая дистанцию, и прислонился к пульту настройки.

Сюй Ин замер. Он впился взглядом в худощавого юношу, в его глазах промелькнуло что-то темное, но он тут же подавил этот хищный блеск, опустил глаза, а когда поднял их снова — в них осталась лишь густая чернота.

Он посмотрел на ноты, которые сжимал в руках, хмыкнул и встретился взглядом с Гу Чу.

— Раз так, то и этой песне незачем существовать. — Он поднял руку, и раздался резкий звук

рвущейся бумаги.

Сюй Ин разорвал ноты в клочья, небрежно бросил их на пол и, не оглядываясь, вышел за дверь.

Гу Чу смотрел на разбросанные обрывки, пребывая в легком замешательстве.

В дверях показался молодой человек в клетчатой рубашке. Увидев Гу Чу, он неловко улыбнулся:

— Привет... скажи, пожалуйста, только что... — его взгляд упал на пол, и он издал горестный вопль, практически на коленях бросившись к обрывкам. Трясущимися руками он принялся собирать их воедино.

— Что случилось? — те, кто вышли ранее, услышав крик, с недоумением заглянули внутрь.

Парень в клетчатой рубашке едва мог говорить:

— Заглавная песня нового альбома Сюй Ина! Это была его главная песня! Он порвал ноты!

— Ты не шутишь?! — вскричали остальные, не веря своим глазам.

Их реакция привела Гу Чу в чувство. Он опустил глаза и вышел из студии.

Покинув Тяньюй, Гу Чу не захотел возвращаться в Нулевой градус и решил ехать домой. По непонятной причине такси в это время было не поймать, и лишь спустя полчаса он наконец сел в машину.

Когда двери лифта открылись, Гу Чу замер.

Коридор освещался датчиками движения. Его квартира была четвертой от лифта, а перед второй дверью на полу сидела черная фигура.

Вокруг валялись пустые бутылки, человек безвольно прислонился к стене, волосы растрепаны, губы что-то невнятно бормотали.

Несмотря на то, что прошло совсем немного времени, знакомый панковский наряд позволил Гу Чу мгновенно узнать соседа.

Все это выглядело донельзя нелепо.

Гу Чу подошел к нему и медленно наклонился, глядя в затуманенные глаза.

— ...Поднимись со мной в вечность, пересекая безмолвную пустыню. Звезды станут твоими глазами, а ветер — моими руками... — невнятное бормотание становилось все отчетливее. Ночной ветер донес эти слова до ушей Гу Чу, заставив его на миг замереть. Сюй Ин смотрел в пустоту и повторял эти две строчки снова и снова.

Гу Чу не мог понять, что чувствует, и невольно слегка подтолкнул ногой сидящего человека.

Сюй Ин очнулся, поднял голову и встретился взглядом с Гу Чу. Его брови медленно поползли вверх, словно он пытался что-то сообразить. Они долго смотрели друг на друга, пока Сюй Ин наконец не спросил:

— Гу... Гу Чу?

Гу Чу кивнул:

— Это я. Поздно уже, почему не идешь домой?

— О, домой... — Сюй Ин с трудом поднялся, пошарил по карманам, развернулся и, шатаясь, попытался вставить ключ в замочную скважину.

Гу Чу посмотрел на дверь и удивился.

— Бах! — дверь распахнулась, Сюй Ин вошел и захлопнул ее прямо перед носом ошарашенного Гу Чу.

Затем из-за двери донесся грохот чего-то падающего.

Взглянув на закрытую дверь, Гу Чу развернулся и не спеша пошел дальше.

Тот факт, что Сюй Ин оказался его соседом, никак не повлиял на жизнь Гу Чу. Оставшуюся неделю он был занят подготовкой к роли в фильме. Ци Хао несколько раз звонил и звал его куда-то, но Гу Чу каждый раз отказывался, и тот, казалось, был очень разочарован.

Фильм Въевшийся в кости рассказывал историю Ли Минъюя, который работал под прикрытием в банде наркоторговцев, чтобы собрать доказательства. Спустя годы подготовки он вместе с напарником Фан Хуэем наконец ликвидирует банду. Сюжет был простым и жестким, но братская дружба и трагическая любовная линия придавали ему глубину.

Гу Чу досталась роль Линь Шаочэна, друга детства главного героя. Как и Ли Минъюй, он с детства был влюблен в Ли Вэй, но из-за неуверенности в себе и нежелания ставить друга в неловкое положение, решил отступить. Когда Ли Минъюй, работая под прикрытием, попадает под подозрение, Ли Вэй оказывается втянута в это дело. Узнав об этом, Линь Шаочэн по крупицам находит место, где наркоторговцы держат Ли Вэй, и пытается ее спасти, но сталкивается со своим другом детства. Под давлением бандитов Ли Минъюй приходится

застрелить Линь Шаочэна. С этого момента Ли Миньюй окончательно входит в доверие к наркоторговцам и становится правой рукой главаря.

— Гу Чу, пусть это и второстепенная роль, но для тебя это уже неплохо.

Узнав, что Гу Чу получил роль, Кэ Вэй впервые проявил доброжелательность. Помимо того, что он принес сценарий, он вопреки обыкновению начал давать подробные наставления.

— Съёмочная группа уже готова. То, что тебя допустили до проб, — заслуга того, что Ли Цзинь пошел наперекор инвесторам, так как он очень недоволен Цзин Шао. Но, похоже, у Цзин Шао покровители посерьезнее, даже Ли Цзинь ничего не смог сделать. Так что главные роли у Янь Цина и Цзин Шао. Цзин Шао еще ладно, но Янь Цин... — Кэ Вэй яростно потер лицо, с ненавистью взглянул на невозмутимого Гу Чу и прорычал: — Если тебе не жалко своего будущего, можешь снова за ним бегать! На этот раз я в это не лезу!

— Хорошо, брат Кэ, спасибо.

День, когда Гу Чу пришел на съёмочную площадку, выдался солнечным.

В павильоне было полно людей. Помимо свободной площадки в центре, повсюду стояло оборудование, а по полу змеились переплетенные провода.

Гу Чу огляделся: рабочий персонал бегал туда-сюда, выкрикивая указания операторам и гримерам. В стороне Ли Цзинь что-то жестикулировал осветителю, его брови были нахмурены до предела.

— Гу Чу! — раздался мягкий голос. Обернувшись, он увидел того самого интеллигентного мужчину, который проводил с ним пробы.

Вэнь Вэнь, сценарист и помощник режиссера.

— Твои съемки начинаются завтра, Кэ Вэй ведь говорил тебе? — Вэнь Вэнь говорил не спеша, с особой мягкой интонацией, которая невольно заставляла прислушаться.

Гу Чу впервые видел его лицо так близко. Вэнь Вэнь полностью соответствовал своему образу: мягкие черты лица, внимательные, глубокие глаза, в которых хотелось утонуть, и идеально изогнутые губы, создававшие ощущение легкого весеннего ветерка.

— Да, — кивнул Гу Чу.

— Сценарий изучил? У режиссера Ли высокие требования к актерам. Будь готов: если завтра не получится с первого дубля, не падай духом, просто обсуди все с ним, — Вэнь Вэнь улыбнулся и похлопал Гу Чу по плечу.

Такая забота удивила Гу Чу, и он серьезно кивнул:

— Я понял, спасибо, режиссер Вэнь.

— Пф-ф, — Вэнь Вэнь усмехнулся и отмахнулся: — Зови меня просто по имени, я никак не могу привыкнуть к такому обращению.

В центре площадки раздались выкрики. Вэнь Вэнь взглянул туда и сказал Гу Чу:

— У меня там дела, ты пока посмотри. Сегодня снимают сцену с Янь Цинем и Ли Ваньжу, посмотри на их игру, может, найдешь вдохновение. Если будут вопросы — подходи.

Гу Чу ответил, и Вэнь Вэнь направился к центру.

Проследив за его взглядом, Гу Чу без труда заметил Янь Цина в белой рубашке.

Похоже, снимали сцену из детства Ли Минъюя и Ли Вэй. Его партнершей была Ли Ваньжу, молодая актриса, которую только что выдвинул Ли Цзинь. Ли Вэй в фильме была чистой девушкой, нежной и оптимистичной, не знавшей бед, — единственная отрада и островок спокойствия для Ли Минъюя во время его работы под прикрытием.

Ли Ваньжу выглядела очень невинно и мило, что соответствовало представлению Ли Цзиня о Ли Вэй, но ее актерское мастерство требовало серьезной доработки. Гу Чу наблюдал за процессом пять минут, и за это время Ли Цзинь несколько раз крикнул стоп, а в конце просто сидел перед монитором с мрачным лицом, не проронив ни слова.

Увидев это, Вэнь Вэнь попросил Янь Цина отдохнуть, подозвал Ли Ваньжу и что-то тихо сказал ей.

Янь Цин вышел из центра площадки, взял у ассистента бутылку воды и поднял глаза. Он увидел юношу в бледно-голубой футболке, который спокойно наблюдал за ним. Глаза юноши были безмятежными, он смотрел прямо на него, не пытаясь отвести взгляд, и от всей его фигуры веяло спокойствием и умиротворением.

Странно, но он вспомнил прошлое. Неизвестно когда, но за его спиной постоянно стал мелькать этот юноша. Он шел на шоу — тот пытался связаться с организаторами, он получал роль в фильме — тот искал связи, чтобы пробиться к нему. А когда они пересекались, юноша всегда опускал голову и осторожно пытался заговорить.

На самом деле, Янь Цин был этим сыт по горло.

<http://bllate.org/book/21659/2234991>